

*Родюковы. Заметки к истории рода.
Ольга Валериановна Родюкова.*

СОСНИНЫ

Родоначальником известного сибирского рода Сосниных был священник Туринского острога Степан Максимов сын Сосна (1624). Один из его сыновей, Филипп Соснин, прежде чем попасть в 1656 году в Нарым, служил в Тобольске и стал невольным участником событий, которые происходили в 1648-1649 гг. в Томске.

Н. Гиргилевич. Хлебный бунт*

Первый воевода князь Осип Иванович Щербатый, отстранённый от дел, фактически арестованный на своём подворье, выход с которого перекрывался специальными караулами восставших, деятельно искал и находил способы связи с внешним миром. Его тайных посланцев не раз арестовывали, отбирали у них письма князя, зачитывали их в казачьих кругах, сурово наказывая всех бравшихся передать весть от князя Осипа в Тобольск, Кузнецк или Москву. Как наш предок Филипп Степанович Соснин попал в «историю» и подробности его мытарств можно узнать из книги Н. Н. Покровского «Томск. 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские мирры»**. Вот некоторые фрагменты из неё: С. 275: «15 февраля 1649 г. в Томске «учинилась весть» о приближении к городу с государевыми грамотами тобольских казаков Филиппа Соснина и Дмитрия Заливина <...> Кроме указов от 19 сентября 1648 г. на имя О. И. Щербатого и на имя И. Н. Бунакова с М. Н. Ключарёвым с ними

было несколько других документов – сообщение из Сибирского приказа о прекращении продажи табака, “богомольные грамоты” архиепископа Герасима о молебнах за здоровье царя и царицы и другие. От тобольского воеводы И. И. Салтыкова казаки получили строгое наставление подать грамоты только обоим воеводам и дьяку вместе в прежней приказной избе». С. 276: «Навстречу тобольским посланцам из круга были отправлены Юрий Едловский, его брат Филипп и Тихон Хромой с 60 казаками; отряд должен был захватить Соснина и Заливина и доставить их вместе с грамотами в «воровской приказ» на дворе Д. Халдея. Встреча произошла в “днище” пути от Томска, “и взяв их, повезли в Томской, что ясырей”. В городе им приказали отдать грамоты И. Бунакову в новой съезжей избе. Помня приказ, тоболяки сопротивлялись, говоря: “то де не съезжая изба, казачей двор, и они де на тот двор не идут”. Но их одолели и на руках внесли в резиденцию И. Бунакова. Прибыв туда, участники этой победоносной экспедиции вместе с находившимися на дворе казаками стали по инициативе Т. Хромого бить посланцев, требуя отдать им царские грамоты. В конце концов грамоты у них нашли, отняли насильно и вручили подоспевшему И. Бунакову. Но тут вышла промашка: не думали, видимо, что по главному вопросу имеются две отдельные грамоты воеводам, а И. Бунаков не сразу понял из захваченного с таким трудом текста, что есть ещё одна грамота - на имя О. И. Щербатого. Эту последнюю Соснин и Заливин сумели поэтому как-то “ухоронить”, и едва их выпустили из приказной избы, они сразу отправились к князю Осипу и вручили ему грамоту. Каждый воевода получил в результате свою грамоту». С. 296: «В конце марта /1649/ на Оби близ Нарыма, днях пяти зимнего пути от Томска, пересеклись дороги нескольких путешественников. Из Томска возвращались в сибирскую столицу тобольские казаки Ф. С. Соснин и Д. Н. Заливин, привозившие царские грамоты от 19 сентября 1648 г. Перед отъездом они были у И. Бунакова, который вполне официально отпустил их, выдал для проезда сани (казаки достали ещё нарты). Соснин, как обычно, спросил воеводу, не будет ли отписок в Тобольск или Москву; но Илья не был ещё готов известить вышестоящее начальство о февральских событиях (он сделает это лишь в июне). Зато у О. И. Щербатого и М. Н. Ключарёва уже была написана подробная совместная реляция, и не одна; первую, от 3 марта, они каким-то головоломным образом передали Василию, человеку известного воеводы Якова Тухаческого, вторую, от 4 марта, вручили тобольским казакам. Вместе с последней князь Осип решил послать большой комплекс документов - <...> С казаками князь Осип отправил трёх своих людей, М. Петрова, И. Обуткова, И. Воронина; Соснин, взявший все документы, должен был отдать их княжеским людям в безопасном месте, за Нарымом. Но ещё до того все они были захвачены обскими остяками во главе с есаулом Чепинской волости Соголбаем (Саханбаем). <...> В захвате деятельно помогал остяцкий князец Молтормас, оставшийся на стороне

томских мирских людей». С. 297: «Казачи безуспешно пытались объяснить, что были посланы с государевыми грамотами к обоим томским воеводам и имели право брать обратные письма в соответствии с полученными в Тобольске инструкциями. <...> Остяки долго колебались, не стоит ли сразу всех захваченных “посадить в воду”, несколько раз подводили их к воде, но каждый раз возникал спор, не правильнее ли сохранить им жизнь для расследования в Томске. Все пятеро были уже к тому времени ограблены донага, “а дали им перемену – рыбьей кожи рубашки”. Но тут в спор вмешалось ещё одно подоспевшее лицо: от Сургута вместе с возвращавшимися остячками “московщиками” ехал в Томск архиерейский десятильник сын боярский Григорий Пирогов. Неизвестно, какие аргументы пустил в ход чиновник архиереископа Герасима, но было решено везти всех в Томск, а казакам даже отдали одежду и имущество. По дороге остановились в юртах князца Катыша и отправили весть в Томск. Там в приказной избе тотчас собрались для обсуждения известий с воеводой и подьячими “советники” <...> Было решено доставить задержанных в Томск и здесь казаков пытать – кто им помогал выбраться из города, не было ли “какова им словеснова приказу”». С. 298: «Навстречу арестованным был отправлен отряд казаков во главе с И. Чернояр. Людей князя Осипа опять избили и отпустили самостоятельно добираться до города, где они укрылись в доме своего господина. Заливина и Соснина вторично ограбил уже И. Чернояр сотоварищами, их опять били, упрекая, что они вопреки решению мира взяли письма у О. И. Щербатого. В городе их стали допрашивать в приказной избе, но параллельно с этим состоялся мирской приговор пытать их “и огнём жечь”, чтобы выведать правду об их отъезде из Томска. Но мир не смог выполнить этот свой приговор, так как при неизвестных обстоятельствах оба тобольских казака сумели бежать из приказной избы. (Соснин позднее говорил в этой связи о данных ими взятках, что вполне вероятно, но не исключает заинтересованного содействия И. Бунакова, тем более, что взятки дважды грабленные казаки могли тогда лишь обещать). Обоим удалось добраться до двора О. И. Щербатого, где они отсиживались вплоть до сдачи города новым воеводам». С. 307: «В конце апреля – начале мая 1649 г. обозначившиеся ранее городские противоречия продолжали нарастать. <...> И. Бунаков был озабочен тем, как с наименьшей опасностью для себя освободить сторонников О. И. Щербатого, но в то же время продолжал воевать с князем и выискивать для ареста возможных составителей жалоб на себя. Усилилось вымогательство Бунаковым взяток у самых разных лиц, поощрялись частные иски на противников новых властей. И. Чернояр, ограбивший Заливина и Соснина, успешно судился теперь с ними, обвиняя их в клевете, так как тобольские казаки, опознав в Томске свою одежду на чужих плечах, назвали грабёж грабежом». С. 308: «25 апреля был в очередной раз отправлен в тюрьму пострадавший ещё год назад казак В. Балахнин – за отказ принять

участие в мартовской операции по захвату Заливина, Соснина и людей князя Осипа». С. 319: «Михаил Петрович Волынский и Богдан Андреевич Коковинский прибыли в Томск 8 августа 1649 г. Они надолго задержались в Нарыме, возможно, опасаясь каких-то сложностей при приёме города от повстанческих властей, ожидая информации». С. 333: «Характерно, что сыск М. Волинского и Б. Коковинского, продолжавшийся до ноября 1650 г., сначала не пришёлся по душе обеим сторонам. Правда, новые воеводы приняли от И. Бунакова и руководителей миров многочисленные документы, которые те представили в доказательство своей правоты: повинные челобитные, подписанные в апрельские дни 1648 г. сторонниками О. И. Щербатого, письма, перехваченные у посланцев князя и т. д. Волынский почему-то не признал законным иск Ф. Соснина к И. Чернояру». С. 334: «С марта 1650 г. в Сибирский приказ стали поступать многочисленные челобитные врагов восстания с различными просьбами о порядке проведения сыска. <...> 18 марта и в апреле 1650 г. О. И. Щербатый выступил в Сибирском приказе с рядом просьб по ведению следствия и с перечнем томских бунтовщиков. <...> В тот же день 18 марта в Сибирском приказе происходил допрос тобольского казака Ф. Соснина, который подробно описал события 15 февраля 1649 г. и последующие свои злоключения, в том числе арест в остяцких юртах».

У Филиппа Степановича было три сына: Прокопий, Елизар и Степан. Один из сыновей Степана, Максим (р. 1689), в 1721 году числился в детях боярских, а в 1744 уже в разночинцах. Из его сыновей наиболее известны: Максим и Кондратий. Кондратий Максимович (р. 1731), купец 3-й г., в 1778-1780 – ратман в Нарымской ратуше. У него три дочери: Татьяна (1764-1838) замужем за купцом С. А. Родюковым, Мария (р. 1766) - за томским купеческим сыном И. М. Протопоповым, Прасковья - за купцом А. Г. Сухушиным; сын Михаил (р. 1763), купец 3-й г. Брат Кондратия - Максим - купец 3-й г. (пожертвовал 200 р. на народное ополчение), городской голова (1815-1818).

*Картина воссоздает события апреля-мая 1648 года, когда несколько опальных московских дворян, сосланных в Томск, не поладили с первым воеводой О. И. Щербатым и подняли мятеж. На их сторону перешёл второй воевода Илья Бунаков, заместитель Осипа Щербатого, с подчинёнными ему служилыми людьми. Иллюстрация из книги «Томск: история города в иллюстрациях: 1604-2004. Томск, 2004».

**Покровский Н. Н. Томск. 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры Новосибирск, 1989.